

БУДДИЙСКИЕ РАССКАЗЫ КАМО-НО ТЁМЭЯ О МИРЯНАХ И МИРСКИХ СТРАСТЯХ

«Сборник рассказов о пробуждении сердца» Камо-но Тёмэя («Хоссинсю:», начало XIII в.) содержит истории не только о праведных монахах, но и о мирянах – от знатных столичных чиновников до простолюдинов. На их примерах показано, как сама обыденная жизнь подталкивает человека к «бегству от мира», ко вступлению на буддийский путь. Речь может идти и о страданиях, природных и общественных бедствиях, и о неутоленных страстях – любви, жажде славы, богатства, и о вполне благополучном существовании, когда оно вдруг раскрывается для человека во всем своем бессмысленном непостоянстве. Пробудить сердце человека может что угодно, и в этом смысле мирянин и монах равны: ни ученость, ни даже прилежное следование заповедям не мешают сердцу дремать в неведении; ни страсти, ни грехи не мешают пробудиться. Но если сердце однажды пробудилось, то лучший путь для человека после этого – стать отшельником. В приложении к статье приводится перевод одного из рассказов сборника – «О том, как сын Нарикиё, второго заместителя наместника, поселился на горе Коя», выполненный автором.

Ключевые слова: японский буддизм, *сэцува*, Камо-но Тёмэй, «Хоссинсю:»

Buddhist tales of Kamo no Chōmei about lay people and worldly passions.
NADEZHDA N. TRUBNIKOVA (Voprosy Filosofii Journal; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Kamo no Chōmei's Hosshinshū (early 13th century) contains tales not only about righteous monks, but also about lay people from noble courtiers to commoners. Their examples show how everyday life itself pushes a person to «escape from this world», to enter the Buddhist path. The narration focuses on suffering, natural and social disasters, as well as unquenched passions such as love, vanity, greed, or on a completely prosperous existence, when it is suddenly revealed to a person in all its senseless impermanence. Anything can awaken a person's heart, and in this sense a layman and a monk are equal: neither learning, nor even diligent adherence to the precepts prevent the heart from dozing in ignorance – nor passions, nor sins prevent awakening. But if the heart has once awakened, then the best way for a person after that is to become a hermit. The appendix to the article contains a translation of the story «On Saishōgonsuke Narikiyo's son living on the Mount Kōya» made by the author.

Keywords: Japanese Buddhism, *setsuwa* tales, Kamo no Chōmei, Hosshinshū

* ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии» Института философии РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

© Трубникова Н.Н., 2022

Внутри большой и пестрой традиции японских поучительных рассказов жанра *сэцува* «Сборник рассказов о пробуждении сердца» («Хоссинсю:») [1; 8] считается одним из самых литературно совершенных. Что и неудивительно, ведь его составитель Камо-но Тёмэй (1153/1155–1216) при жизни славился как поэт и знаток поэзии, как настоящий «ценитель прекрасного», *сукимоно*. Для последующих столетий он – прежде всего автор «Записок из кельи» («Хо:дзё:ки»), шедевра бессюжетной прозы *дзуйхицу*, непременно изучаемого в курсе истории японской литературы. Сборник «Хоссинсю:» не настолько знаменит, и все же отсылки к нему встречаются во многих памятниках. Он сравнительно невелик (102 рассказа с предисловием и послесловием) и выразителен своей простотой и соразмерностью. Стиль его не воспроизводит многословия устных рассказов, как в «Собрании стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю:», начало XII в.); сложную сеть перекликающихся мотивов, как в «Рассказах, собранных в Удзи» («Удзи сю:и-моногатари»), первая половина XIII в.), здесь можно при желании найти, но она не обязательна. Но и телеграфная краткость, намеренная недосказанность многих историй, как в «Беседах о делах старины» («Кодзидан», начало XIII в., см.: [2]), книге несвойственны. Иногда Тёмэй от рассказов как таковых переходит к рассуждениям, они близки по стилю к монашеским проповедям рубежа XII–XIII вв.; эта черта объединяет «Хоссинсю:» с «Собранием песка и камней» («Сясэкисю:», конец XIII в.) и другими более поздними сборниками. Как представляется, простой и ясный стиль выбран «Хоссинсю:» во многом потому, что обсуждается здесь более трудная тема, чем в других сборниках. Тёмэй в предисловии пишет, что не станет говорить о чудесах будд и бодхисатв, а ограничится людскими делами. И хотя чудесные истории в книге все-таки есть, внимание сосредоточено не на них, вообще ни на чем таком, что в традиции *сэцува* как правило имеет зримые внешние свидетельства – будь то воздаяние за добро и зло при жизни или после смерти, спасительная сила священного текста, умение разбираться в людях как залог успеха и пр. Для Тёмэя главное – «пробуждение сердца», *хоссин*, оно же «пробуждение помыслов о просветлении-бодхи», *хоцу бодайсин*, – тот поворот в человеческой жизни, после которого можно пройти путь Будды и обрести спасение. Видимых признаков

это событие не имеет, а даже если бы и имело, они бы никому не помогли: вера укрепляется чудесами (и рассказами о них), *хоссин* же обрести и поддерживать человек может только сам. Истории о *хоссин* нужны затем, чтобы объяснить, в чем состоит такое пробуждение и что с ним можно делать дальше.

При этом сборник построен отчасти по образцу тематических собраний историй о возрождении в Чистой земле, *о:дзё:дэн* (таких как «Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости», «Нихон о:дзё: Гокураку-ки», конца X в. или «Продолжение преданий нашей страны о возрождении», «Дзоку Хонтё: о:дзё:дэн», начала XII в.); см.: [3; 6]. В них порядок рассказов следует положению героев в буддийской общине: сначала наиболее чтимые наставники, затем простые монахи, послушники, затем миряне; монахи либо следуют за монахами, либо занимают место в конце вместе с мирянами. Тёмэй располагает свои истории примерно по такому же принципу, правда, не по всей книге, а внутри каждого раздела (всего таких разделов восемь). Из построения можно заключить, что статус героя важен и для «Хоссинсю:», в качестве отправной точки – пусть даже, как и в рассказах о возрождении, в итоге станет ясно, что существенной разницы между монахами и мирянами нет. Поэтому мне бы хотелось разобрать те истории Тёмэя, где мирянин или мирянка – главные герои; вообще же миряне появляются почти во всех рассказах – родичи монахов, прихожане храмов, встречные на пути странников, соседи отшельников. Всего историй о мирянах в сборнике чуть больше трети, по моей условной выборке – 36. Обсуждая в основном их, я также обозначу их ближайший контекст, рассказы о монахах, среди которых они появляются.

Во времена, когда жил Тёмэй, буддийский монах в Японии – это прежде всего служба, к ней готовятся с детства, изучают большой объем книг, нарабатывают обрядовые навыки, проходят испытания и посвящения. Затем монах живет в храме, исполняет обряды по государственному распорядку, по чрезвычайным случаям вроде эпидемий или наводнений, а также по заказам частных лиц; получает за все это подношения, занимается с учениками, может постепенно дослужиться до высших должностей в общине. Другой способ быть монахом – принять постриг в зрелые годы, завершив мирскую карьеру, остаться жить дома «монахом в миру»,

руководя жизнью взрослых детей и бывших подчиненных, реже – пуститься в паломничество или переселиться в храм. И тот, и другой монашеские пути не исключают, конечно, искреннего желания следовать Закону Будды и обрести освобождение. Но на рубеже XII–XIII вв. буддийские наставники все чаще заводят речь о том, что по-настоящему пройти Путь Будды так невозможно, а нужно «бежать от мира», *тонсэй* (см. подробнее: [5; 7]).

Беглецы, отшельники – главные герои «Хос-синсю:». И начинается первый раздел сборника с нескольких историй, где уже знаменитые служилые монахи бросают службу, как кажется – возвращаются в мир, а на самом деле бегут от него. Один работает лодочником на переправе (рассказ 1–1) или помощником уездного начальника (и однажды выручает господина из служебных неприятностей, воспользовавшись своим былым авторитетом в столице, 1–2). Другие монахи уходят странствовать, поселяются в глуши среди простых людей (1–3, 1–4, 1–5). Но отшельником может стать не только монах.

В рассказе 1–6 состоятельный мирянин однажды обозревает свои обширные угодья – и задумывается: «Не крестьянская доля мне досталась! [...] Так устроен наш мир: кого вчера видели живым, того сегодня уж нет. Дом утром процветал – а к вечеру рушится. Закрою глаза однажды – и что толку потом будет множить сетованья? Понапрасну пренебрегать помыслами о воздаянии, навсегда кануть на три дурных дороги¹ – как горько!» Сердце его пробуждается, не простившись с родными, он уходит в монахи и поселяется на горе Коя, где веками жило множество подвижников. Дочь, девочка-подросток, следует за ним и тоже принимает монашество. Он возводит новый храм и во сне видит, что обряд передачи здания общине должен провести не кто иной как Вималакирти – современник и собеседник Будды, хитроумный и очень богатый мирянин. Герой рассказа с верой ждет чуда, а в назначенный день к храму приходит странствующий монах Мёкэн (1026 – до 1105), поначалу отказывается проводить обряд, ссылаясь на свое невежество, но в итоге прекрасно справляется. Тёмэй напоминает предостережения Будды насчет богатства: алчность привязывает человека к здешнему миру, из-за богатства «нарушаются заповеди, совершаются грехи, люди нисходят в подзем-

ные темницы... как отбросил бы ты ядовитую змею, отбрось его с дороги».

За этой историей следуют два рассказа о привязанностях: именно от них, а не от мира как такового нужно бежать. Один монах разбивает свой любимый кувшин, другой срубает деревце, к которому прикипел сердцем (1–7); мирянин-поэт, слишком любивший цветы, после смерти возрождается бабочкой в своем саду, а монах, любивший мандариновое дерево, в следующей жизни рождается змеей и поселяется под его корнями (1–8). Отметим, что миряне и монахи подвержены одинаковым страстям. Но кто из монахов расстался со своими привязанностями, тот может и не поститься (1–9), не блюсти чистоты, ведя жизнь всеми презираемого нищего (1–10), может даже жениться, став жене мудрым наставником (1–11). В рассказе 1–12 молодой монах является в дом к столичному вельможе и просит о разговоре наедине. Хозяин соглашается, и монах рассказывает: я вступил в связь с одной юной дамой, она беременна и скоро должна родить, а средств у нас нет совсем, прошу вашей помощи! Хозяин снабжает его припасами и из любопытства велит слуге проследить за монахом, когда тот пойдет к себе. В хижине монаха слуга не находит никакой женщины и выясняет, что монах вовсе не собирался вернуться к мирской жизни: наоборот, он таким образом запасался припасами для 90-дневного строгого затворничества. Растроганный вельможа пытается послать ему еще даров, но монах успевает скрыться неведомо куда. «Кто воистину помышляет о Пути, тот вот так скрывает свои достоинства, выставляет себя грешным, страшится, что его станут почитать. А если человек бежал от мира, но хочет, чтобы о нем говорили: “Вот замечательный уход! Достойное подвижничество!” – это гораздо хуже любых поисков мирской славы».

Во втором разделе сборника мы видим, как по-разному живут отшельники. Один соблюдает уединение и лишь перед самой смертью просит сиделку позвать в келью первого встречного – «лишь бы выглядел как человек, заботящийся о будущем веке», то есть не о здешней, а о посмертной участи; странник, отозвавшийся на просьбу, помогает старику достойно встретить кончину (2–1). Другой монах, наоборот, живет в гуще людей, что не мешает ему быть отшельником; по государеву приказу он берет на себя руководство ремонтными работами в большом, но сильно обветшавшем храме и, будучи пол-

¹ В миры ада, «голодных духов» или животных.

ностью бескорыстен, справляется с этой трудной задачей (2–2). Герой следующего рассказа (2–3) – мирянин, придворный секретарь Ёсисигэ-но Ясутанэ (933–1002), составитель сборника «*Нихон о:дзэ: Гокураку-ки*» (ср. выше). Он еще в миру стремится следовать Путем Будды; однажды во дворце он выручает служанку, потерявшую пояс от должностного наряда господина, и отдает ей собственный пояс, а потом оправдывается за свой неподобающий вид тем, что якобы опаздывал на службу и собирался второпях. В дар от принца, чьим учителем словесности был Ясутанэ, он получает коня; еду куда-то верхом, секретарь спешивается и кланяется каждому храму и каждой могиле у дороги, а коню позволяет остановиться и пощипать травы всякий раз, как тот захочет. Слуге он велит не обижать коня, ибо в круговороте бесчисленных перерождений каждое животное бывало нам и отцом, и матерью. Ясутанэ оставил «Записки из беседки над прудом» («*Титэйки*»), где сказал: «Тело мое в свете, а сердце в тени...», *ми-ва асита-ни аритэ, кокоро-ва кагэ-ни ари*; «свет» здесь – не только солнечный, но и «высший свет», придворное общество, а «тень» – уединение (перевод «Записок» см.: [4]). Под старость Ясутанэ принимает постриг, отправляется на гору Хизэй и становится учеником знаменитого монаха Дзога (917–1003), но никак не может начать чтение трактата «Махаянское прекращение неведения и постижение сути» («*Мака сикан*», кит. «*Мохэ чжигуань*») – заливаясь слезами с первой же строчки. В итоге учитель говорит: «Воистину, ты чувствуешь, как глубок наш Закон, и чтить его!» После смерти Ясутанэ удостоился величания от самого Фудзивара-но Митинага (966–1028), тогдашнего фактического правителя Японии.

Другой знаменитый мастер слова, поэт Ооэ-но Садамото (ум. 1034), назначенный наместником в дальний край, оставил в столице жену, а с собою взял другую женщину. В том краю она умерла, Садамото по ней горевал, и сердце его пробудилось, он ушел в монахи. Вернувшись в столицу он, чтобы испытать свое сердце, приходит за подаванием к дому бывшей жены. Та с досадой спрашивает: «Не думаешь ли ты, что тебе воздалось за то, какое горе ты мне причинил?» Садамото отвечает: «Быть может, твоими заслугами я стану буддой». Потом он учился у Ясутанэ и у монаха Гэнсина (953–1007), а затем отправился в Китай, где и скончался. Перед смертью он слышал музыку Чистой земли и

сложил о том стихи – по-китайски и по-японски (2–4).

Многие отшельники ведут себя странно: не жалея ни о чем мирском, раздают нуждающимся все имущество из собственной кельи, а порою и из чужой (2–5); отказывают в наставлении власть имущему, несмотря на щедрые пожертвования, но сами помогают беднякам (2–6). Кто-то готов уже в зрелые годы снова пойти в ученики к другому монаху, чтобы только заполучить чудесное облачение (его будто бы надевал когда-то бодхисаттва Манджушри, 2–7), а кто-то клянется в верности учителю, обещая служить ему и после смерти в Чистой земле, однако возрождается демоном *тэнгу* (2–8). Вообще забота о «будущем веке» для героев Тёмэя – это почти всегда молитва «Слава будде Амиде», *Наму Амидэ-буцу*, и вера в обет Амиды (Амитабхи): принять в Чистую землю всех, кто молит о том, без различия мудрых и глупых, праведных и грешных, монахов и мирян. Но когда в чьих-то словах звучит уверенность в непреходящем возрождении, это говорит не о вере, а о самодовольстве.

Примеры тех, кто в самом деле возродился, следуют дальше, и это примеры мирян. Отставной дворцовый стражник гибнет при нападении разбойников; перед смертью он один только раз успеваешь произнести молитву – и возрождается в Чистой земле, что подтверждается вещими сновидениями нескольких человек, хотя прежде этот мирянин никогда не молился (2–9). Чиновник дожил до старости, ничего не зная о Законе Будды, не соблюдая постных дней и не почитая монахов. Но вдруг при кончине его явились багряные облака, чудесное благоухание – признаки того, что покойный возродился в Чистой земле. Когда стали выяснять, в чем причина, нашли листок, где чиновник за год до смерти записал свой обет. В записи он каялся, что напрасно прожил жизнь в человеческом теле, которое по закону кармы очень трудно обрести, и вверял себя милости Амиды. «Если мне осталось еще сколько-то жить, если нынче я не уйду, а в конце не смогу, как хочу, возгласить имя Амиды, то пусть ежедневные мои молитвы зачтутся мне как последняя десятикратная молитва! Хотя грехи мои и тяжки, пяти тягчайших² я еще не совершил. Хотя заслуги мои и скудны, но желание войти в край Высшей Радости глубоко! Итак, я не отвращаюсь от Изначального обета.

² Убийство отца, матери, святого подвижника, покушение на Будду, внесение раздора в общину.

Неприменно выведи меня отсюда, о будда!» Есть и другие примеры людей, возродившихся в Чистой земле только благодаря молитве (2–10). Некоторые люди посвящают молитве всю жизнь: один отшельник не принимал гостей, говоря, что ему некогда, ибо весь короткий срок человеческой жизни он хочет посвятить возглаголению имени Амиды. В конце раздела Тёмэй приводит историю из древних времен: однажды Будда Сякамуни (Шакьямуни) с учениками встретил старого нищего и рассказал, кем бы этот человек мог стать, если бы усердно трудился над делами мирскими или выводящими прочь из мира – начиная с юности, или со средних лет, или уже в зрелости. Это могла бы быть судьба вельможи или великого подвижника, но старик не прилагал усилий – и благие плоды его прежних жизней пропали втуне (2–12).

Третий раздел продолжает тему возрождения. Не только посмертные, но и прижизненные чудеса порой подтверждают, что люди вроде бы ничем не выдающиеся войдут в Чистую землю: нищий старик (3–1) или храмовый служака (3–2) могут иметь ясное понимание цели не только в последний час, но и на протяжении всей жизни. Такое понимание и дается «пробуждением сердца», *хоссин*, причем речь идет только о будущей участи; полной перемены всех помыслов человека такое пробуждение не означает. В рассказе 3–3 знаменитый полководец Минамото-но Ёриёси (988–1075), погубивший в свое время многих людей, отвращается от мира, истово кается и говорит: как когда-то я хотел взять крепость Коромогава (где засели мятежники в 1056 г.), так теперь я хочу возродиться! И его желание исполняется. Сын же его, не менее знаменитый воин Ёсииз (1039–1106), после смерти попадает в ад, о чем в сновидении узнает его соседка; причина в том, что у Ёсииз сердце не пробудилось. В рассказе 3–4 воин всю жизнь убивал людей и животных, о Законе Будды ничего не знал, но однажды по случаю заехал в храм, услышал проповедь о будде Амиде и тут же решил стать монахом, потребовал, чтобы проповедник совершил над ним обряд пострижения, а потом пошел на запад, во весь голос возглаголая имя Амиды. Воин шел много дней, не останавливаясь, пока не вышел к морскому берегу. Там он умер, по-прежнему глядя на запад, а из языка его вырос цветок лотоса.

Порой люди, чувствуя себя готовыми встретить смерть с правильными помыслами, торопят свою кончину. Мирянин из челядинцев

знатной семьи решается умереть, не дожидаясь старости; на самосожжение у него не хватает силы воли, и он отправляется к морю, научается править лодкой и отплывает к югу – на поиски острова, где пребывает бодхисаттва Каннон (Авалокитешвара). Есть и другие примеры людей, уходивших из жизни таким образом (3–5). Придворная дама после смерти взрослой дочери в глубокой скорби едет к морю, проводит там трижды по семь дней в молитвах, а потом бросается в воду; над морем являются багряные облака, подтверждая, что эта женщина возродилась в Чистой земле (3–6). Сам по себе подобный выбор, по Тёмэю, не заслуживает осуждения, однако и подражания – тоже. В двух следующих рассказах отшельники пытаются уморить себя голодом или утопиться, но каждому из них мешают зеваки – люди, узнавшие об их решении и собравшиеся почтить их (3–7, 3–8); в первом случае отшельник исчезает неведомо куда, во втором гибнет на виду у зрителей, но, как выясняется потом, правильных помыслов в смертный час он не сохранил и цели не достиг.

В чем состоит должный настрой сердца, говорится в рассказе 3–9, где действуют опять-таки миряне. Простой дровосек однажды осенью в лесу говорит сыну: «Видишь, как с деревьев опадают листья? Если в тишине поразмыслить, они от нас ничуть не отличаются. Причина вот какая: весной посмотришь – всюду распускается молодая зелень, постепенно разрастается, летом, глядишь, все ею полно. А с восьмого месяца все, что было зелено, желтеет, потом делается темно-красным. Сейчас, чуть подует ветер, листва осыпается. Едва упадут, листья засыхают. И мы тоже таковы. В десять лет похожи на весеннюю поросль. Двадцать, тридцать лет – время расцвета, мы разрастаемся, как летние травы, и так же довольны, как они. А сейчас, в шестьдесят с лишним лет, у меня волосы из черных стали белыми, кожа покрылась морщинами. Совсем как осенью меняется окраска листвы. Вот только бурей меня еще не унесло. Но и это случится – не нынче, так завтра. Не понимая, что тело настолько ничтожно, живешь на свете, провожаешь утро и вечер скорбным взором, торопишься, суетишься, а если подумать – что толку? Я больше не вернусь домой. Стану монахом, поселюсь тут, буду размышлять об этих листьях древесных, в тишине молиться, памятуя о будде. Вот чего я хочу. А ты годами еще молод, твой конец небли-

зок, так что возвращайся домой». Сын отвечает, что останется с отцом и будет заботиться о нем; так они и поступают, отец возрождается в Чистой земле, а сын, по словам Тёмэя, ко времени написания этой книги еще жив.

Следующие две истории показывают, что правильность помыслов не зависит от опыта и учености. Монах зрелых лет мечтает лишь о высокой храмовой должности, и даже чудо (не настоящее, выдуманное учениками) не отвращает его от этого стремления (3–10). Ребенок с трех лет начинает играть с четками и повторять молитву, а в шесть лет умирает от болезни, читая наизусть строки из «Лотосовой сутры», самой чтимой в Японии буддийской книги; после смерти мальчик является матери и опять-таки цитатой из сутры подтверждает, что возродился в Чистой земле (3–11). Порой люди совсем не способны предвидеть, куда приведут ближнего его устремления: юный служка сосредоточен на той же «Лотосовой сутре», монах-наставник побуждает его изучать и другие книги, потом юноша исчезает – и через некоторое время выясняется, что он стал «бессмертным», *сэн*, в даосском смысле слова, не покинет здешнего мира, но будет вечно читать сутру и славить ее игрою на лютне *бива*.

Четвертый раздел сборника открывается историями о праведниках, ушедших от мира: чтеце «Лотосовой сутры» (4–1), чудотворцах, чьи чаши сами летали за подаванием (4–2), подвижниках милосердия (4–3, 4–4). Один монах смог прожить достойную жизнь, хотя нарушал заповедь целомудрия, был женат; он умирает с правильными помыслами, а вдова словно бы впадает в одержимость и кричит: «Чтобы помешать твоему просветлению, из века в век, из жизни в жизнь я становлюсь твоей женой, или мужем, или еще кем из родичей, создаю помехи, и до сих пор все шло по моему замыслу, а сегодня ты от меня сбежал! Ненавижу!» Тёмэй приводит примеры отшельников, которых женщины сбивали с пути. Дело здесь не в какой-то злокозненности женщин, а в привязанности мужчин к ним. «Злые демоны принимают вид близких людей, с кем человеку трудно расстаться, мешают ему в двух веках, нынешнем и будущем, такое вполне может случиться с каждым. И вот, человек к ним привязывается помыслами – как к близким или как к ненавистным, нет разницы, – и если он следует благу, то считает: будды и бодхисаттвы, принимая всевозможные обличья, обращают людей на Путь. Вот и во-

круг меня – либо превращенные тела будд, либо их уловки! Так он думает и ошибается, а демоны заставляют его грешить, мешают копить заслуги, сдерживают его стремления. Нужно бояться дурных связей с такими людьми из жизни в жизнь, из века в век, стремиться отдалиться от них» (4–5). Есть примеры людей, одолевших свои страсти (4–6) и способных помочь другим справиться с демонскими кознями в смертный час (4–7). Но случается и так, что забота о близких до самого конца владеет сердцем человека, даже когда он лежит при смерти и уже ничего не может сделать для них; ему самому тоже не в силах помочь ни родные, ни наставник (4–8). Далее следует один из самых страшных рассказов Тёмэя – о чиновнике, который во время наводнения видит, как гибнут его семья, домочадцы, дом и все, над чем он трудился многие годы. «Когда слышишь о таком, должны пробуждаться помыслы об отвращении к миру. Но каждый человек думает: со мною такого не случится! А почему бы он от этого был избавлен? Тело никчемно, легко распадается. Мир – скопище бедствий. [...] И уж конечно, те, кто бездумно совершает грехи, из-за жены и детей не щадит себя, те попадают в беду, и число таких людей несметно. Причины бедствий бывают разные. Только когда возродишься в беспечальной стране, не встретишься ни с какими страданиями» (4–9). Но если человек о посторонних людях заботится, как о близких, его правоту подтверждают боги, хотя самому ему казалось, что он нечист и грешен (4–10).

Пятый раздел почти весь занимают истории о мирянах. Здесь как раз мирские привязанности и связанные с ними страдания приводят людей к бегству от мира.

Знатный юноша уезжает из столицы вместе с отцом, когда тот получает должность наместника в дальнем краю. Юноша тревожится о возлюбленной, оставшейся в столице, особенно когда приходят вести об эпидемии. Возвращаясь, юноша с трудом находит девушку и узнает, что та едва не умерла и лишилась глаз. От горя он уходит в монахи и оказывается весьма способным учеником, но при этом не считает для себя зазорным станцевать для учителя, когда тот просит. Таковы люди, чьи сердца пробудились – пишет Тёмэй (5–1). Другой блестящий кавалер охладил к подруге, но однажды, проезжая мимо ее дома, заходит в гости. Девушка, не обращая на него внимания, читает «Лотосовую сутру» – и дочитав до места, где сказано

о возрождении в Чистой земле, умирает. Для нее несчастная любовь стала причиной для возрождения, но есть немало и противоположных примеров: Тёмэй вспоминает знаменитых китайских красавиц, из-за которых сбивались с пути государи, приводит японские песни о силе любви, подобной жару в недрах горы Фудзи. «Так из жизни в жизнь, из века в век без конца люди рождаются и умирают, а нить их связи все тянется: сколь же глубок этот грех! Если в этот раз не отсечь желанья, не возродиться в краю Высшей Радости, то чем эта жизнь будет отличаться от сновидения в горькую и печальную ночь?» (5–2).

Женщина средних лет уговаривает мужа, чтобы тот расстался с нею и взял в жены ее дочь от первого брака. Он соглашается, сходитя с падчерицей, какое-то время жизнь семьи идет спокойно, но в сердце своем мать ревнует – и от этого ее пальцы превращаются в змей. Видя такое, дочь уходит в монахини, а потом и муж, и сама ревнивица принимают постриг. Эта история – пример того, как зло обернулось добром и как важно «быть учителем своему сердцу», не поддаваться страстям (5–3). А о том, что движимые любовью, решимостью быть вместе, люди творят чудеса, говорится в рассказе 5–4, где умершая жена является мужу – и не бесплотным призраком, а словно бы живой.

Не только страсти преследуют человека на протяжении жизни и переходят в новую жизнь: благие его дела тоже не исчезают. Некий человек переродился быком, но и в животном облике ему помогают те, кого он чтит раньше, пока был человеком (5–5). Чиновник дает обет: если меня назначат заместником в какой-нибудь богатый край, я построю там храм. Он получает назначение, но край беден, и новый заместитель ставит себе более скромную задачу – отремонтировать старое храмовое здание. Впервые придя туда, он находит записку как бы со своей собственной подписью, хотя раньше никогда в этих местах не был. Оказывается, ее написал монах былых времен, условный тезка чиновника: их имена читаются по-разному, но пишутся одними и теми же иероглифами. В записке сказано: «В будущей жизни я стану заместником здешнего края и починю этот храм». И чиновник исполняет обет, данный в прошлой жизни. Тёмэй вспоминает других людей, наследовавших имя от прежних перерождений, и рассуждает о том, как глупо ведут себя люди из-за того, что не знают наследия своих прошлых жизней (5–6).

Молодой чиновник Мунэмаса (ум. 995) решается уйти в монахи и испрашивает дозволения у канцлера Фудзивара-но Ёримити (992–1074), сына Митинаги. Юноша принимает постриг, но не может перестать тревожиться о жене, которую оставил беременной. Его наставник, монах Дзога (см. выше) посещает женщину, молится о благополучных родах, а потом и о младенце. Однако в сердце ученика остается еще одна тревога – о принце, которому он служил (будущий государь Сандзё, 976–1017). Мунэмаса обменивается с принцем стихами, а Дзога говорит: «Если тебе пишет наследник престола, с Буддой надо расстаться. Как ты с такими помыслами отдались от рождений и смертей?» (5–7).

Минамото-но Акимото (1000–1047), достойный чиновник и «человек тонкого вкуса», *сукибито*, уходит в монахи после смерти государя Гоитидзё (1008–1036), которому служил. Позже он тайно встречается с канцлером Ёримити, беседует с ним о Законе Будды, а на прощанье говорит о своем сыне как о никчемном человеке. Канцлер понимает его слова как просьбу присмотреть за этим сыном (5–8).

Двое друзей, сын принца Мунэхире (949–1041) и сын Правого министра Фудзивара-но Акимицу (944–1021), разочарованные суетной жизнью столичного света, договорились в один день принять монашество. Один из них первым прибывает в храм, второй опаздывает. Тогда первый, не слушая возражений монаха (который опасается совершать постриг столь знатной особы), сам срезает себе волосы; вскоре приходит и второй юноша, и у него волосы тоже срезаны; задержался он потому, что долго уговаривал отца отпустить его (5–9). Имена и годы рождения этих юношей сохранились – Наринобу, сын Мунэхире, родился в 979 г., а Сигэиэ, сын Акимицу, в 977 г.; даты смерти их неизвестны; видимо, обоим в самом деле удалось скрыться от мира.

Левый министр Минамото-но Арихито (1103–1147) – ближний родич государя и человек выдающихся дарований, некоторые хотят, чтобы он стал государем. Арихито понимает всю ничтожность земного мира и по-настоящему привержен только музыке. Однажды он совершает паломничество в святилище бога Хатимана, предка и защитника государева рода, вопрошает о своей будущей судьбе и получает ответ: «Правильные помыслы в последний час – возрождение в краю Высшей Радости». Тёмэй подытоживает: «В итоге и *кшатрий*, и *шудра*

(здесь: и правитель, и простолюдн. – прим. авт.) переродятся, как заведено; а возрождение в Высшей Радости – иное дело!» (5–10). Люди равны как перед законом воздаяния, так и перед милосердием Амиды, но это – разное равенство.

Об относительности любого мирского успеха говорится в следующих рассказах. Наблюдая обряд в храме, который только что построил уже знакомый нам Фудзивара-но Митинага, некий странник поражается могуществу канцлера Ёримити (сына Митинаги), потом – величию государя, а в итоге заключает: «Выше Будды нет никого!» (5–11). Другой странник в пути слышит, как нищие обсуждают успехи знакомого, занявшего видное место в нищенской общине. Еще один путник встречает вдали от столицы дряхлого старика, ждущего новой должности в местной управе. Эти смешные на сторонний взгляд устремления и достижения Тёмэй сопоставляет с рассказом одного из своих друзей. Тот видел, как в годы междоусобной войны родов Тайра и Минамото (в 1180-х гг.) пленных вели на казнь: «Я посмотрел – на вид то были знатные люди, но даже тех, кто выглядел родовитыми особами, гнали безжалостно, грубо. [...] На дороге попадались колючки, и пленные шагали осторожно, чтобы не наступить на них. Кто-то из видевших это залился слезами и сказал: если бы я дожил до такого дня, если бы меня сейчас вели на казнь – неужели и я бы старался не наступить на колючку? Так жалок был их вид и так горько было смотреть на них!» Тёмэй отвечает: «А разве это не по-человечески? Нам пришлось жить в последнем веке, когда срок жизни короток, а плоды воздаяния никчемны [...] Мы не знаем, когда придет наш последний день – сегодня, завтра ли; как можно помышлять о чем-то ином? Вставая и садясь, мы страдаем в путях страстей. Спим или бодрствуем – меч непостоянства внезапно отсекает нашу жизнь. Как можно не страшиться? И при этом мы думаем о теле, чей предел – понапрасну рассыпаться пеплом, печалимся о почете и презрении, чей срок – как у росы, мучаем сердце, ищем славы и выгоды. Надо думать, мы тоже таковы, как те люди, что обходили колючки» (5–12). Еще один пример тщеты всех человеческих усилий – герой рассказа 5–13. Этот разорившийся бывший чиновник живет в заброшенном храме и занимается тем, что чертит планы домов, которые хотел бы построить и никогда не построят. Таковы, по Тёмэю, любые людские

замыслы; дома на бумаге хороши хотя бы тем, что на них меньше тратится сил и средств, чем на настоящие. И все-таки некоторые заботы можно назвать достойными, например – попечение о стариках (5–14) или родительскую заботу о детях (5–15); даже монахи правы, когда не отрекаются от привязанности к родным, и тем более правы, когда о посторонних заботятся как о родичах.

Эта тема продолжается и в разделе шестом: в него вошло несколько историй взаимной преданности – между родными и между учителями и учениками. В мире, где любые попытки самосохранения тщетны, самоотречение оказывается самой выигрышной стратегией: жертвуя собой, человек обретает «заслуги», *кудоку*, благою карму, что идет на пользу и ему, и его ближним в будущем веке, а порой и в нынешней жизни. И важно, что опыт самоотречения доступен обычному человеку даже вне связи с учением Будды: помимо заботы о детях, свойственной даже животным, а уж тем более людям, и помимо служения старшим, есть еще такая область жизни, как искусство: поэты и музыканты, «люди изящного вкуса», не в меньшей мере, чем буддийские подвижники, забывают о насущных нуждах, о славе и корысти. А порой именно «вкус», чувство прекрасного, уводит людей от мирской суеты, побуждает стать отшельниками (6–12, 6–13).

Другие способы обрести заслуги показаны в разделе седьмом, они тоже доступны и монаху, и мирянину. Например – нести людям весть о Чистой земле (7–1, 7–2). Или – читать «Лотосовую сутру» (7–3); в этом рассказе один из знакомых Тёмэя разучивает фразы из сутры со своими малолетними детьми, еще не обученными грамоте, – чтобы жизнь их не оказалась напрасной, даже если детям придется умереть маленькими. Есть множество простых способов подвижничества, все они полезны, каждый может выбрать тот, какой ему ближе (7–4). Ошибиться при этом нельзя: мирянин, даже несведущий, выбирает для себя ту сутру, молитву, обряд, с которыми связан кармической связью, которые составляют «наследие его прежних жизней», *сюкюдзю*. Наоборот, выискивать наиболее действенный обряд – неправильно (7–3), как и порицать других людей за их выбор, сколь бы странным он ни казался (7–4).

Человеку трудно сосредоточить свои помыслы на чем-то (7–5), и у мирянина обычно бывает больше поводов отвлечься, чем у монаха

(а меньше всего – у отшельника). Порой человеку нужно чудо, чтобы сердце его пробудилось и больше помыслы уже не рассредоточивались. Так, Правый министр Фудзивара-но Санэсукэ (957–1046) однажды, выходя из дворца, увидел, как в его возок запрыгнул человечек, одетый в белое и назвавший себя посланцем царя Эмма (Ямы, судьи мертвых). Дома перед зеркалом Санэсукэ нашел у себя в волосах первую седину, ее-то и называют «посланцем Эмма». «Прежде помыслы о Пути у Санэсукэ не пробуждались, но с этих пор он стал постоянно трудиться ради будущего века» (7–6). Некий бедный монах в похожем видении встретился со своей бедностью в облике изможденного юноши и понял, что стремиться к достатку бесполезно (7–7). А иногда чудо нужно для подкрепления уверенности в выбранном пути. В рассказе 7–8 юноша молится в храме Хасэдэра о том, чтобы обрести «помыслы о Пути», *до:син*, и во сне некий монах говорит ему: «Помыслы о Пути – не какая-то особая сущность. Только вот такие помыслы, как у тебя, и зовутся помыслами о Пути». Юноша уходит в монахи, предается сосредоточению и молитвам и в итоге возрождается в Чистой земле. Здесь в обличье монаха, видимо, является бодхисаттва Каннон, чтимый в Хасэдэра, о похожем сновидении речь идет в рассказе 7–10. Но помочь человеку пробудиться и не сворачивать с выбранного пути могут и люди: мать, велевшая сыну-монаху заботиться не о карьере, а о «будущем веке» (7–9), наместник, побуждающий жителей края молиться (7–11); миряне в этом смысле вполне могут быть наставниками и для других мирян, и для монахов. Нередко ближние укрепляют решимость человека не добрым советом, а наоборот, мешая ему (пусть и из лучших побуждений). В конце раздела Тёмэй подробно рассказывает истории двух отшельников и их непростых взаимоотношений с ближними; одна из них (7–13) приведена в приложении к данной статье.

Заключительный, восьмой раздел сборника посвящен тому, как люди принимают последствия своего выбора. Речь здесь не столько о воздаянии счастьем за достойные дела и горем за дурные, сколько о том, как сами люди оценивают последствия своих решений. Отшельник подробно объясняет случайному гостю, почему решил бежать от мира, тот соглашается сохранить в тайне место его уединения и сам становится его прихожанином (8–1). Другой отшельник, весьма чтимый при жизни, после смерти

сообщает ученикам, что стал демоном *тэнгу*, ибо руководила им жажда славы (8–2). Самопожертвование может тоже завести на дурной путь, и напротив, грешная жизнь вора – оказаться праведной (8–3).

Дочь знаменитого каллиграфа Татибана-но Хаянари (782–842?) отправляется вслед за отцом в ссылку, стойко терпит лишения, заботится о нем, а когда после смерти он получает прощение, доставляет его останки в столицу (8–4). Самоотречение этой девушки оказалось не напрасным – но не напрасна и решимость слепого музыканта, ходящего по разным землям Японии несмотря на дорожные тяготы (8–5). Чудеса творит истовая вера простой монахини (8–6). Увлеченность игрока за игрою бывает сродни самоотречению, а мастерство лицедева, жонглирующих мечами, доходит до грани чуда (8–7). Но случаются и дурные чудеса: монахиня, одержимая обидой, возрождается даже не червем, а целым множеством червей и пожирает мандарины, которых не дал ей жадный сосед-монах (8–8). Старуха-нищая признается, что когда-то служила в свите государыни, была обманута возлюбленным и в отместку навела проклятие на его жену; она была готова за свой грех возродиться в «подземных темницах». Соперница умерла, а сама женщина стала нищенкой и с тех пор кается (8–9).

В последних пяти рассказах Тёмэй, как пишет он сам в послесловии, дал волю своей «остаточной привязанности из прошлого»: он принадлежал к роду жрецов святилища Камо и мог бы стать служителем богов. Завершая сборник, он рассказывает несколько историй о том, как боги не карают за случайное нарушение чистоты, но наказывают за самомнение (8–10); побуждают монаха заботиться о «будущем веке», а не о земных делах (8–11); животные, приносимые в жертву богам, обретают освобождение из круга перерождений (8–13) и вообще боги почитают Закон Будды (8–14). В рассказе 8–12 офицер столичной стражи печалится, что младший брат больше него преуспел на службе, молится в святилище Камо – и там ему является образ Амиды; сердце его пробуждается, он уходит в монахи, постоянно молится и умирает с правильными мыслями.

«Хоссинсю:» вполне можно отнести к тем памятникам, которые отмечают поворот в японской мысли – к новому буддизму, не обрядовому, а больше сосредоточенному на вере и личном подвижничестве. Также можно усмотреть

здесь установку на то, что разница между монахами и мирянами так же условна, как и многие другие различия, привычные людям. На мой взгляд, важно здесь еще и другое: миряне и монахи входят в одну и ту же общину, разными путями идут к одной цели; примеры из мирской жизни могут побудить монаха пересмотреть собственные обыкновения – и точно так же опыт монахов небесполезно учитывать мирянину. Традиция поучительных рассказов, сводящая воедино истории мирские и храмовые, поддерживает единство общины и дает каждому читателю утешение: выбор, сделанный им, сделан не без причины и, вероятнее всего, не останется бесплодным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камо-но Тё:мэй. Хо:дзё:ки; Хоссинсю: (Записки из кельи; Собрание пробужденного сердца) / Под ред. Мики Сумито. Токио: Синтё-ся, 2016.
2. Коляда М.С. «Беседы о делах старины» в традиции поучительных рассказов // История и культура традиционной Японии. Вып. 12. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. С. 47–58.
3. Петрова А.А. Буддийские и мирские сюжеты в произведении О:э-но Масафуса «Дзоку хонтё: о:дзё:дэн» // История и культура Японии. Вып. 14. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. С. 166–172.
4. Повесть о прекрасной Отикубо. Записки у изголовья. Записки из кельи. М.: ЭКСМО, 2014.
5. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: РОССПЭН, 2014.
6. Трубникова Н.Н., Горенко И.В. Предания о чудесах в смертный час в «Диалогах» Св. Григория Двоеслова и «Японских записках о возрождении в краю Высшей Радости» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I. Богословие, философия, религиоведение. 2021. Вып. 96. С. 79–94.
7. Matsuo Kenji, 1997. What is Kamakura new Buddhism? Official monks and reclusive monks. Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 24, no. 1–2, pp. 179–189.
8. Pandey, R., 1998. Writing and renunciation in Medieval Japan: the works of the poet-priest Kamo No Chomei. Ann Arbor: University of Michigan Press.

REFERENCES

1. 鴨長明, 2016. 方丈記; 発心集 [Hōjōki. Hosshinshū]. 東京: 新潮社. (in Japanese)
2. Kolyada, M.S., 2020. «Besedy o delakh stariny» v traditsii pouchitelnykh rasskazov [«Tales about old matters» in didactic tales tradition]. In: Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii. Vyp. 12. Moskva: Izdatel'skii dom VShE, 2020, pp. 47–58. (in Russ.)
3. Petrova, A., 2022. Buddiiskie i mirskie syuzhety v proizvedenii Oe-no Masafusa «Zoku Honchō Ōjōden» [Buddhist and secular elements in Zoku Honchō Ōjōden by Ōe-no Masafusa]. In: Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii. Vyp. 14. Moskva: Izdatel'skii dom VShE, 2022, pp. 166–172. (in Russ.)
4. Sanovich, V.S., ed., 2014. Povest' o prekrasnoi Ochikubo. Zapiski u izgolov'ya. Zapiski iz kel'i [Ochikubo monogatari. Makura no sōshi. Hōjōki]. Moskva: EKSMO. (in Russ.)
5. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2014. Obnovlenie traditsii v yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli XII–XIV vv. [Japanese religious philosophy in 13th – 14th centuries: renewing traditions]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
6. Trubnikova, N.N. and Gorenko, I.V., 2021. Predaniya o chudesakh v smertnyi chas v «Dialogakh» Sv. Grigoriya Dvoyeslova i «Yaponskikh zapiskakh o vrozozhdenii v krayu Vysshei Radosti» [Deathbed miracles in St. Gregory dialogues and Nihon ōjō Gokuraku ki], Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I. Bogoslovie, filosofiya, religiovedenie, Vol. 96, pp. 79–94. (in Russ.)
7. Matsuo Kenji, 1997. What is Kamakura new Buddhism? Official monks and reclusive monks. Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 24, no. 1–2, pp. 179–189.
8. Pandey, R., 1998. Writing and renunciation in Medieval Japan: the works of the poet-priest Kamo No Chomei. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Камо-но Тёмэй

О том, как сын Нарикиё, второго заместителя наместника, поселился на горе Коя

В краю Овари в уезде Накасима жил человек по имени Нарикиё, второй заместитель наместника³. По меркам того края он был богат. У него было много детей, и среди них – старший сын, уже юноша. По обычаю сельской округи он проводил время за охотой и рыбной ловлей, об основах причин и последствий совсем ничего не знал.

И вот однажды, в год, когда подносили дары Большому будде в храме Тодайзи⁴, а юноше было двадцать два или двадцать три года, он вместе с отцом и матерью отправился туда в паломничество, и наверное, так и должно было случиться: в сердце его пробудились сильные помыслы о Пути. Он думал: как бы мне, считая тело за ничто, исполнить мой замысел, стать подвижником на Пути Будды? Но отец и мать его не отпустили. В этот раз ничего не получится, – решил он и, не подавая вида, скрывая свои помыслы, вернулся в родной край.

Потом прошло много дней, он выбрал подходящее время и один отправился в столицу. Сразу пришел к досточтимому Дайбуцу⁵ и сказал ему: хочу обрить голову.

– Кто ты? И почему решил бежать от мира? Ты молод годами. Странно!

Так сказал досточтимый с сомнением, и юноша ответил:

– Воистину, так, я понимаю. Я Такой-то. Когда был тут в прошлый раз, должен был поговорить с вами, но тогда было много разных препятствий, трудно было мне подступить к вам. Я вернулся домой, а теперь снова пустился

в путь, нарочно отправился в столицу один. О себе самом мне сказать особенно нечего. Мои родные богаты, и я ни в чем не знал нужды. Имел и богатство, имел и поля, и сады. Есть у меня и жена и дети, кого трудно покинуть, я не из тех, кто решается стать монахом по какой-то необходимости. Но когда я думаю о непостоянстве мира, то понимаю: ничто мне не мило. А потому я решил: отброшу тело и жизнь на Пути Будды, положусь лишь на милосердные обеты будд, так будет лучше! И других помыслов у меня нет.

Отшельник выслушал все это и, роняя слезы, ответил:

– Сколь редко и ценно! Многие отшельники называют себя моими учениками, но среди них нет никого, кто всерьез бы отбросил этот мир. Или навлекли на себя немилость господина и правителя, или горюют о том, как трудно прожить на свете, или же скорбят об умерших женах, или досадуют на век наш из-за неполученных чинов и должностей. Многолюдно не по сердцу, и обычно они бросают мир только из-за чего-нибудь такого, а потом, когда позабудут все это, как же насчет помыслов о Пути? – и если бы они отвечали, как ты, это и было бы пробуждением их сердец! Уж верно, тогда и будды непременно пожалели бы их! О, сколь редко и ценно!

Собираясь обрить голову, юноша снял шапку – и его короткие волосы растрепались; видя это, отшельник спросил: в чем дело? Юноша рассказал:

– Когда я из нашей глуши отправлялся в столицу, я усомнился в собственном сердце: а вдруг передумаю? Вот и срезал себе узел волос.

Так отшельник понял, что помыслами этого юноши не надо пренебрегать.

И вот, юноша обрил голову и стал одним из учеников-отшельников, прожил среди них три года, днем грузил черепицу, носил камни, таскал бревна, не отдыхал ни часа. Ночью же ни разу не ложился с тех самых пор, как стал мона-

³ Сайсё: гонсукаэ, третий по старшинству чиновник в управлении краем после наместника и его заместителя.

⁴ Храм в городе Нара, основан в VIII в. как главный храм Японии. Речь идет о второй половине 1180-х гг., когда храм был восстановлен после разрушения в 1180 г. в пору междоусобицы родов Тайра и Минамото.

⁵ Он же Тёгэн (1121–1206), монах, отвечавший за сбор пожертвований на восстановление храмов города Нара.

хом; всю ночь до рассвета возглашал молитву, сидя лицом к западу. Всегда жалел даже мгновение потратить напрасно и ни с кем не разговаривал. Ел и надевал, что придется. Совсем не щадил тела и жизни. И во сне, и наяву сердцем был привержен западной стороне.

Отшельник тем временем, видя его таким, думал о нем с почтением и ценил его; побуждая юношу, он говорил:

– С утра до вечера мучая себя ради Пути Будды, ты завязываешь великую связь. И все же не лучше ли, успокоив сердце, расслабив тело, молиться с перерывами? На горе Коя есть особое место, называемое Новой молельней. Я сам жил там раньше. С самого начала для меня оно стало землей Мира-Закона⁶, кроме того, там я возглашал непрерывные молитвы, стремился лишь к возрождению в краю Высшей Радости, а иных забот не имел. И вот, среди многих отшельников, живших там, если кто-то казался человеком, помышляющим о Пути, и я побуждал его, он непременно входил в общину молящихся. Скорее присоединись к той общине и умножай заслуги молитвой!

Так он увещевал, а юноша отвечал:

– Воистину, лучше бы мне остаться с вами. Но вот досада! Если я, глупец, вижу женщину, вспоминаю: она похожа на мою жену! Если встречаю малое дитя, смотрю на него и думаю: вот и мои дети таковы... Трудно мне их забыть, и это очень нехорошо. Если поселюсь в дальних горах, без этих дум мне должно стать легче. Но если я уйду, то сюда уже не вернусь. Буду тосковать, и от этого сердцу тесно!

Так он сказал, но отправился на гору Коя. И там среди двадцати четырех обитателей молельни Одзэин он проводил дни и месяцы, подвижничал еще усерднее, чем раньше.

А в родных местах, когда он исчез, родители, жена и дети тревожились всем сердцем, в своем краю и в соседних краях всюду искали его, сбились с ног. Где бы он ни был, даже если вся наша жизнь пройдет в напрасных поисках, хотим хоть раз увидеть его! – так они горевали и сетовали сверх всякой меры. Взбаламутили весь тот край, и никто из тех, кто видел их и слышал, не удержался от слез.

Так дни и месяцы прошли в бесплодных поисках, но на свете ничего не скроешь: через какое-то время до них дошло известие, что родич их ушел в монахи. И наконец они прослышали,

что он поселился на горе Коя, и в слезах написали ему:

– Этот путь никто не считает мелким, ты отринул мир – что мы могли сказать против этого? Ты даже не написал нам ни строчки, понапрасну встревожил сердца родных, это очень обидно, но что теперь поделаешь? Мы снова все обдумали: разве здесь тебе негде уничтожить грехи? В нашем краю тоже много горных храмов. Был бы ты поблизости, мы бы обменивались вестями – но нет, ты удалился в заоблачные пределы, и это нам очень не по сердцу!

Так и этак родные увещевали его, но он ничуть не поддавался. И вот, родители его сами отправились к нему, пришли как паломники к подножию горы Коя в место, что зовется Аmano, вызвали его туда и увиделись с ним. Можно вообразить, легко ли было у него на сердце!

Его молодое цветущее лицо так иссохло и почернело, что родные его едва узнали. Одет он был в рваную рубаху, родители никогда не видели его таким, и перед глазами у них потемнело, нутро перевернулось, они ни слова не могли вымолвить. Долго не решались заговорить, но потом в слезах стали расспрашивать его обо всем том, о чем думали много дней. Он же был немногословен, ничего в подробностях не рассказал. Только вот что:

– Когда я вступил на эту гору, я твердо решил, что больше отсюда не вернусь. Но я покинул дом, не спросив вашего согласия, и это грех, его трудно избежать; вы добрались сюда, вот я и вышел к вам сейчас, пусть и против воли. Отныне, даже если будете меня звать, я ни на миг не выйду с горы. Так что сегодня, должно быть, я с вами вижу в последний раз. Если захотите видеть меня, то пробудите ваши сердца, устремитесь к Пути Будды! В этом мире, даже если бы я сделал, как вы хотите, – долго ли довелось бы мне глядеть на вас? И сам я, и другие смертны, трудно этого избежать; кто-то уходит первым, а кто-то остается, тут уж ничего не поделаешь!

Так он холодно ответил и вернулся на гору.

Жена его тоже поднялась в Аmano, решила с ним не встречаться, а подглядывала в щель, но не выдержала, расплакалась. Родители стали горевать еще пуще, чем тогда, когда не видели сына, и в слезах вернулись домой.

Теперь они из края Овари отправляли сыну разные припасы, а он отвечал: «Мне не нужно, но вы хотели тем самым завязать связь, что избавит вас от грехов, так что я раздам это общи-

⁶ То есть землей, где пребывают будды.

не молящихся. Когда глубоки помыслы о том, чтобы однажды войти в Чистую землю, горько влачить жизнь день за днем. Нипочем нельзя жалеть это недолговечное тело!» И вправду он раздавал одежду и еду: не только той общине, с которой был связан, но если видел бедняка, все отдавал ему, себе ничего не оставлял. Стараниями родичей ему построили келью, но он в ней поселил людей, нуждавшихся в жилище, а сам там жить не остался.

Каждый день ему грели воду, но он не мылся. Шли годы и месяцы, одежду он не стирал никогда: когда разваливалась на куски, выбрасывал. С утра до вечера помыслы его были обращены только к пришествию будды Амиды, порой размышлял о непостоянстве, но больше ничто его сердца не занимало. Когда он ходил к людям, то грязными ногами ступал на коврики и циновки, ничуть не смущался. А если его упрекали, говорил: нечистота внутри тела каждого из нас. Так почему вам противна только та, которая видна?

По обычаю тех мест, если кто-то из общины умирает, оставшиеся в живых собираются, хлопчут, устраивая похороны, но пока там жил этот отшельник, он людей вовсе этим не тревожил. Сам, в одиночку, уносил тело, сам рубил дрова и сжигал его. А оставшиеся кости, как подобает, тщательно собирал и носил возле сердца, как если бы хоронил родного отца или мать.

С тех пор как он поселился в тех местах, он во внутреннюю молельню ходил каждый день, не пропуская ни дня. Не страшился ни дождя, ни ветра, ни инея, ни снега. Не надевал даже соломенной шляпы, и когда шел дождь, весь промокал, когда падал снег, обмерзал льдом. И вовсе ни на что такое не обращал внимания.

Кто-то сказал:

– Если стремишься в Чистую землю, нужно беречь себя и копить заслуги молитвами. Почему же ты не бережешь тело и жизнь свою?

Отшельник ответил:

– Век наш – последний, сам я – ничтожный глупец. В кои-то веки раз мое сердце пробудилось. Я хочу достичь возрождения прежде, чем это сердце померкнет. Вот почему я не жалею тела и жизни.

Люди слышали это, и одни печалились, другие чтили его безмерно.

И вот, прошло семь или восемь лет с тех пор, как он ушел из дому. Он понял, что смерть близка, и ничем не болея, в последний час, как и хотел, не переставая возглашал молитву – и сидя скончался.

Это случилось в нынешнем веке, в той молельне нет никого, кто бы не знал об этом.

*Перевод со старояпонского и комментарии
Н.Н. Трубниковой*

